Алиса из страны Чудес

Никита Зыков

SHOUT
SHARE IT

- Зыков Никита

Зыков Никита
Алиса из страны Чудес

Кочумай, мать, ништяк — это психаделик…

из раннего Градского

Посвящается прототипу Алисы.

* * *

Алиса сидела перед экраном писишки, тщетно пытаясь сообразить, что делать дальше. После четырех часов набивки маловразумительной статьи, подсунутой шефом, в глазах рябило, хотелось спать и вообще думалось плохо. Логичным казалось попытаться сохранить введенное. Алиса помнила, что сначала надо было выбрать в меню пункт «File», поисками которого она и решила заняться. После пяти минут рассматривания экрана Алиса вспомнила, что шеф только что поставил по совету некоего Хакера русский ворд вместо английского, как было сказано, «чтоб облегчить жизнь девочкам». Кто такой Хакер, Алиса не знала, но после десятиминутных попыток вспомнить, как будет «Save» по-русски, она решила, что это кто-то очень нехороший, ну или по меньшей мере очень странный, что, собственно, одно и то же — странностей она очень не любила.

Сделанные усилия так утомили Алису, что на такой подвиг, как сообразить, куда и как из этого ворда надо выходить, она уже способна не была, и ей оставалось только смотреть на экран в надежде, что войдет кто-нибудь менее усталый или более знающий и поможет ей выйти из затруднения. Время от времени только приходилось нажимать на клавишу Shift с наклейкой «Any key» (сделанной, по слухам, тем же Хакером) чтобы убрать с экрана летящие прямо в лицо звезды. Так прошло несколько минут.

* * *

Алиса услышала какой-то непонятный шум за спиной, обернулась и увидела, что из зеркала, висящего на противоположной стене, выходит Мартовский Заяц, заканчивая, судя по всему, какое-то сверхдлинное ругательство на непонятном языке, в котором Алиса с трудом узнала немецкий. Заяц был небрит, носил прическу стиля «утро в курятнике» и вообще выглядел так, как будто пил без перерыва в течение трех бессонных ночей. Однако на ногах держался твердо, и в распространяемом им запахе угадывались только две основные составляющие: крепкий черный кофе и канифоль. Сняв темные очки, Заяц через плечо слегка озадаченной Алисы посмотрел на экран компьютера, оценил ситуацию и, бросив ей на ходу «пресс ани альт-эф четыре», — изчез за дверью. Из коридора донеслось: «Развели тут чайников» и хлопок очередной двери.

Мирно до этого лежавший на ногах у Алисы ручной криппенштофель вылез из-под стола, подошел к зеркалу и не увидев там своего отражения недовольно сказал: «Ну вотъ, уже зеркала барахлить начали, воистину — Страна Чудесъ». Посмотрев на Алису, находящуюся в явном замешательстве, он проворчал — «Да ладно тебе, Лиза, Заяцъ пришелъ — Заяцъ ушелъ, намъ-то до него какое дело?», — и снова залез под стол, явно не намереваясь продолжать беседу.

«И правда, ну его, этого Зайца», — подумала Алиса, — «мало их тут ходит, что ли? Вот если бы сюда полмешка или мешок свежих утюгов…» Но понять всязь между Зайцем и утюгами она так и не успела — криппенштофель под столом недовольно заворочался и пробормотал сквозь сон: «Думай потише будь ласка, спать ведь мешаешь…» У Алисы возникла смутная мысль, что что-то вокруг нее не совсем в порядке; она совсем не была уверена, что раньше ее криппенштофель обладал даром речи, да и само его название казалось ей каким-то чужим. Плюс к этому, Алиса обнаружила, что не помнит даже, как его зовут, хотя что не Шариком, она знала точно. От такого количества мыслей у нее заболела голова, и она решила встать, чтобы чутьчуть проветриться, а заодно и размяться после долгого сидения перед экраном.

Подойдя к зеркалу, Алиса обнаружила, что криппенштофель был прав: там отражалась та же комната с двумя стоящими на столах компьютерами, однако это отражение было абсолютно безлюдно. Алиса дотронулась до поверхности зеркала. Что-то булькнуло, по стеклу прошла рябь, и она почувствовала, что рука свободно прошла на ту сторону. Из зеркала подул легкий сквозняк. Алиса переступила через нижнюю рамку и оказалась в комнате, полностью симметричной той, в которой она работала.

Чувство смутного беспокойства не покидало Алису. Она посмотрела в зеркало и увидела, что с той стороны ничего не изменилось: криппенштофель так же мирно спал под столом, на экране компьютера переливался всеми цветами радуги какой-то фрактал, а со стены над столом строго смотрел портрет Императора на фоне штандарта с геральдическим двуглавым медведем, держащим в передних лапах серп и кувалду. Взгляд Его Величества успокоил Алису, ей показалось, что туман в голове начал рассеиваться, и она решила осмотреться на новом месте.

* * *

В этот момент у окна кто-то чихнул. Алиса автоматически пожелала этому кому-то доброго здоровья, после чего у нее возникла идея посмотреть, кто же это собственно такой. Идея показалась Алисе не такой уж плохой, и она повернулась к окну.

Она увидела стоящего к ней вполоборота молодого человека, одетого довольно попсово, но с некоторой претензией на элегантность. Самой заметной деталью этой фигуры была громадных размеров шляпа-цилиндр, под которой обладатель как бы терялся. Вообще внешние детали настолько отвлекали внимание, что из-за них почти невозможно было составить сколь-нибудь определенное мнение об этом господине. Убедившись, что Алиса его увидела, он изобразил на своем лице невыразимую тоску, граничащую со смертельной скукой, и произнес:

— Хелло, мадам. Судя по тому, что вы меня вот так рассматриваете, вы наверняка ждете, что в ответ на ваше пожелание здоровья после моего чиха я скажу вам «спасибо». В принципе ожидание резонное, но все же я считаю, что такая благодарность может быть справедливой только в том случае, если бы вы сделали хоть что-нибудь для того, чтобы здесь было хоть чуть-чуть поменьше пыли. Да в общем-то и не в пыли дело, а в отношении к людям, и ко мне в частности. Вообще, такое впечатление, что во всем Зазеркалье никого, кроме Грифона и Кващенки уже не осталось.

— А вы сами-то кто будете? — спросила Алиса и тут же пожалела об этом.

Господин в шляпе просто-таки позеленел, и на лице его к выражению тоски прибавилось крайнее изумление и непонимание.

— Простите, мадам, я ослышался или вы действительно меня не знаете?!!

— Ну, строго говоря, не знаю, а что?

— Нет, ну я просто своим ушам не верю! Меня, Шляпных Дел Мастера Вышчинского, известного всему Зазеркалью, кроме юзеров ламерских борд типа Electric Chair, и не знать?!! Да откуда вы взялись тогда? Уж не из Страны Чудес ли?

— Вообще да, а почему собственно…

— Ну тогда все ясно, — не дал ей договорить Шляпник, — еще одна ламерша по милости Зайца или дяди Шарика на нашу голову, да еще из страны, где даже не понимают, что такое настоящая шляпа и зачем она нужна цивилизованному человеку! Нет, мадам, раз вы уж здесь, вы должны знать, что шляпа — символ всей нашей здешней жизни, шляпа это…

… и его понесло. Алиса пыталась еще некоторое время уследить за потоком его высказываний, но скоро бросила эти бесплодные попытки и стала наблюдать за метаморфозами шляпы Мастера. Пока он сам говорил, его головной убор в такт его словам постепенно изменялся. Сначала он превратился в котелок, потом в ушанку, потом постепенно, но уверенно шапка стала проявляться в большой кремовый торт. Когда Алиса решила предложить Шляпнику снять это произведение искусства с головы, дабы занять рот чемнибудь более полезным, чем рассуждения, которые все равно никто не слушает, торт, как будто прочитав ее мысли, быстро превратился в черную кепку-«аэродром», которая тут же начала расти, явно собираясь превратиться обратно в цилиндр. Из увиденного Алиса заключила, что либо этот господин действительно был мастером не только в построении сверхдлинных бессодержательных фраз, либо просто у его шапки было очень неплохое чувство юмора.

Вдруг Алиса заметила, что рядом с ней стоит и скептически рассматривает Шляпника неизвестно откуда взявшийся Мартовский Заяц. Он наклонился к ее уху и прошептал: «Шустрая же ты однако — не успел я к твоему шефу за этим вот сбегать», — он показал какую-то плату, выдранную из компьютера вместе с солидным куском монтажной панели, — «а ты уже тут… Не повезло тебе только, что ты сразу же этого говоруна встретила — он даже меня иногда достать умудряется. Ну ничего, сейчас мы его нейтрализуем.» Заяц дождался мгновения тишины в конце очередной фразы Шляпника и рявкнул: «Молчать!!!», и чуть более спокойно добавил — «Генуг вешать даме на уши лапшу второго сорта. По моему хо, которому я привык верить, поток вашей речи, господин Вышчинский, лучше перенаправить в nul.» Мастер попытался было возразить, но Заяц посмотрел на него так, что если бы на этом месте была горящая свеча, она замерзла бы, не

успев погаснуть. Шляпник же просто стал быстро таять в воздухе, пискнув предварительно: «Ну вот, опять затвитовали…»

Заяц мрачно усмехнулся и, бросив Алисе: «Ладно, теперь вроде чисто; ты осмотрись тут, а я побег», — и направился к двери. На пороге он чуть не упал, налетев на стоящего там громадного пса дворянской национальности. Шкура зверя была зачем-то выкрашена в серый с проседью цвет, но потому как покраска судя по всему производилась самим псом без посторонней помощи, загривок его сохранил естественный рыжевато-бурый оттенок. Когда тот приоткрывал рот, было видно, что плюс ко всему он носил клыки, которые, если прибавить к ним еще хотя бы по полдюйма длины, спокойно могли бы сойти за кабаньи.

Восстановив равновесие, Заяц сказал:

— Ну и напугал же ты меня, Маркел. Вот в чем тебе не откажешь, так это в умении бесшумно передвигаться.

— А вот в чем тебе не откажешь, друг Заяц, недовольно проворчал в ответ пес, — так это в неумении обращаться с дамами. Ну вот как ты с этой вот, — он кивнул в сторону Алисы, — только что разговаривал?! Ведь как с последним крымдлем, согласись! А с ними поласковей надо… Она вообще кто и откуда?

— Переводчица из Страны Чудес, работает на того странного типа, который держит вот этот гейт, — он показал на зеркало.

— Вот видишь, дама только что из ортодоксальной империи, с ней же надо уважительно, по имени-отчеству. И вообще, надо тебе RTFM, друг Заяц…

— В чем-то ты конечно прав, Маркел, но кажется мне, что если бы твои теории были так уж действены, ты бы сейчас был раскрашен не под волка, а под павлина… — Повернувшись к Алисе, Заяц с ухмылкой произнес: — Простите, Елизавета Георгиевна, но я действительно вынужден Вас покинуть — дела-с. Увидимся позже.

Маркел был явно задет за живое, хотя и пытался не показывать виду. Нарочито спокойно он сказал Зайцу:

— Ладно, до скорого, пойду проведаю одну знакомую лисичку.

— Подожди секунду, я забыл тебе сказать: Грифон просил, чтобы ты при встрече немножко покусал Вышчинского, он последний раз забыл его клюнуть.

— Окей, — и пес, даже не взглянув на Алису, проковылял к противоположной стене без всяких признаков двери и вошел туда без видимых усилий.

Когда хвост последним из частей Маркела исчез в стене,

Алиса подошла к ней и убедилась, что в отличие от зеркала здесь нормального гейта не было, то есть стенка была самой что ни на есть обычной и очень твердой, таким образом проход пса в этом месте был явным хаком. До Алисы вдруг дошло, что она употребляет слова, значения которых она представляет себе мягко говоря весьма смутно, однако чувствовалось, что приходятся они вопреки всякой логике точно к месту. Алиса решила спросить у Зайца, что такое «хак», но обнаружила, что сей субъект сдержал свое слово и, пока она рассматривала обои на месте просачивания Маркела, изчез в неизвестном направлении.

* * *

С Алисой случилось то, чего с ней не бывало уже очень давно: в ней проснулось любопытство и она решила ознакомиться с этим странным местом поподробнее. В то же время, обычный конформизм еще не совсем покинул ее и посему, не тратя время на изобретение более экстравагантного способа выхода из комнаты, Алиса направилась к двери. По дороге она поймала на себе крайне неодобрительный взгляд одного из компьютеров, от которого ей стало очень неуютно, тем более что было плохо понятно, чем собственно машина, не имевшая даже намека на глаза, на нее смотрит…

Открыв дверь, Алиса с удивлением обнаружила, что до сих пор не потеряла еще способности удивляться. Она [увидела?] некое подобие коридора, пол которого был самый обычный: потертый паркет с пародией на ковровую дорожку посередине, а на месте стены и потолка не было ничего. Вообще ничего: даже, что особенно впечатляло, пустоты. Через пару минут борьбы с собой Алиса решила принять это как должное и переступила через порог.

Ничего особенного не произошло, даже дверь за спиной Алисы вопреки ее опасениям не исчезла. Более того, впереди определенно что-то появилось. Что это, было непонятно, но это что-то постепенно становилось все более четким, и в конце концов стало видно, что это широкая и добрая улыбка. Лицо ее обладателя появилось через минуту: это был Чеширский Кот собственной персоной. Улыбка появилась первой не зря: это была самая заметная деталь котиной физиономии, она была настолько искренней, что ее обладатель сразу показался Алисе очень симпатичным типом.

Кот улыбнулся еще шире (хотя только что это казалось

физически невозможным) и произнес: «Мое почтение, сударыня. Прежде всего, извините меня за то, что не могу появиться перед Вами полностью: все вот никак не могу с кучей ака разобраться, так что толком даже сам не знаю, где я в данный момент нахожусь. Ну, это мелочи. Меня, собственно, Заяц попросил помочь Вам не заблудиться, если вдруг Вы решите исследовать Зазеркалье. Вам ведь наверное надо еще вернуться, а за дверью, из которой Вы сейчас вышли, уже совсем другое помещение. Ну ладно, пока что пойдемте со мной, тут за углом дают хорошее пиво.» И видимая часть Кота поплыла по коридору.

Алиса охотно последовала за ним: во-первых, ей действительно хотелось хоть куда-нибудь отсюда выйти, а во-вторых, она очень любила пиво, а тем более хорошее. Единственное, что ее смущало, это то, что угла, за которым находился обещанный Котом напиток, пока что в зоне прямой видимости не было.

Задумавшись, Алиса не сразу обратила внимание на шум, возникший справа от нее. Взглянув туда, она увидела большой зал, в котором беспорядочно были расставлены различного вида столы, столики, тумбочки, стулья и табуретки, вокруг и на которых сидели и рядом с которыми ходили люди и звери, разнообразием своего вида значительно превосходившие мебель, разбросанную по залу. Сразу бросалось в глаза, что дам среди собравшихся было очень мало, и они все были в центре внимания образовывавшихся вокруг них кружков. Самая большая толпа собралась вокруг молодой женщины в серебристой маске, быстро перемещавшейся по залу и одаривавшая окружающих господ многозначительно-неопределенными взглядами. Реакция одаренных была самой различной: от дружеской улыбки до глубокого обморока — вероятно либо от переизбытка чувств, либо от истощения, вызванного перерасходом энергии в усилиях обратить на себя внимание. Дальняя стена зала была полупрозрачной, за ней угадывалось бессчетное количество тоскливо-голодных глаз, на которые тусующиеся не обращали никакого внимания.

«Это здесь пиво?» — спросила Алиса Кота. Тот, усмехнувшись, ответил: «Да что Вы, Алиса, это ж знаменитый клуб, управляемый Аннетт — вон той дамой в центре зала, здесь все напитки исключительно виртуальные. Народ сюда греться приходит, а не пьянствовать. Зато сюда всех — даже Крыс пускают…»

Что-то явно свалившееся откуда-то сверху больно ударило Алису по плечу, отскочило и со стуком упало на пол. Она подняла этот предмет и увидела, что это кусок французского

мыла «Люкс», перевязанный красивой бледнозолотистой ленточкой и пахнущий лавандой. Кот ойкнул и прошептал Алисе на ухо: «Бежим отсюда, иначе сейчас тебя этим с головой завалят. И хорошо б только таким, а то ведь некоторые начнут хозяйственным кидаться…» Алиса прониклась серьезностью угрозы и со всех ног бросилась вперед по коридору, стараясь все же не слишком приближаться к отсутствующей левой стене. Однако перед этим завернуть в чистый носовой платок и положить в карман джинсов упавшее на нее мыло она не забыла.

Неожиданно коридор кончился и Алиса обнаружила себя стоящей в вековом сосновом бору на довольно широкой тропинке, терявшейся за деревьями. Рядом с ней снова стал проявляться Чеширский Кот. Окончательно материализовавшись, он произнес: «Ну вот, мы уже совсем рядом с нашей пивной», — он хотел сказать что-то еще, но не успел: его прервал сильный грохот.

* * *

Землю под ногами тряхнуло, и на Кота с Алисой посыпались шишки с ближайшей сосны. В паре сотен метров впереди поднялась стена пыли. Оттуда кто-то вынырнул и слегка прихрамывая побежал по тропинке. Когда он приблизился, стало видно, что это слегка потрепанный, но все еще достаточно бодрый Мартовский Заяц. Алису он заметил, только почти столкнувшись с ней. Зайцу понадобилась почти минута, чтобы отдышаться, после чего он нашел в себе силы кивнуть Коту, улыбнуться Алисе и сказать ей: «Не везет однако — не вовремя ты к нам попала — вон, опять треугольник упал, пол-леса снес, я сам еле сбежать успел…»

Над их головами пролетела большая галка с письмом в клюве и с громкими криками «Кризис! Кризис!», которые не очень хорошо у нее получались ввиду занятости рта. Заяц плюнул и проворчал:

— Кризис, кризис… Сколько раз им говорили — устарел треугольник, давно переделывать пора… А они: «Да выдержит, что может быть прочнее железобетона.» Выдержит, конечно, любое падение выдержит и не расколется, да только вот по идее его не для того создавали, чтоб падал. И опять же лес реставрировать, все тропинки по новой протаптывать…

— А что, собственно, случилось? — поинтересовался Кот.

— Да толком разобраться времени не было — ты ж сам видел, а так — судя по всему Микола опять увлекся

распространением этих сверхвместительных холодильников, которые ему переделывают из микроволновых печей, ну и не заметил очередной раз, как его ребенок крепящую гайку отвинтил. Ну все и рухнуло — цепи-то несущие — ржавые, это ж общая беда…

И Заяц произнес длинное непереводимое немецкое ругательство, изящество которого не смог испортить даже варварский акцент. Алиса сделала вид, что смутилась, причем так натурально, что Заяц даже извинился. Чеширский Кот решил разрядить атмосферу и извлек из воздуха две граненые рюмки с какой-то жидкостью и протянул их Алисе с Зайцем.

«Чешировка», — гордо сказал он и опустошил неизвестно откуда появившуюся третью рюмку. Заяц осушил свой сосуд в три маленьких глотка и с совершенно невозмутимым видом закусил краем рюмки. Алиса решила, что раз это можно закусывать несоленым и малопитательным стеклом, то отношение крепость/объем у напитка не таит в себе риска преждевременного прихода бодуна, и посему она осушила рюмку одним залпом. Нельзя сказть, чтобы она об этом сильно пожалела: хоть это и не совсем обычно для дамы, но к крепким жидкостям она привыкла, но с другой стороны, она снова смогла дышать только после того, как проглотила материализованный Котом бутерброд с соленым огурцом.

Чеширский Кот вдруг стал проявлять явные признаки беспокойства. Вряд ли это было действие чешировки — судя по всему, у него было больше опыта на питейном фронте, чем у Алисы, а сей последней выпитого хватило только чтобы немножко согреться… Наконец он сказал: «Похоже с ака моими что-то не так — кажется мне треугольником хвост придавило. Придется вас покинуть — надо же разобраться. Вас, сударыня, если решите задержаться в Зазеркалье, милости прошу в нашу локальную пивную — только там для Вас без чешировки: пьянство не красит дам…» Он еще раз продемонстрировал свою широчайшую улыбку, кивнул Зайцу и быстро растворился в воздухе.

«Мда, похоже, и нам отсюда пора исчезать», — заметил Заяц, — «становится слишком пыльно. Ты вообще куда сейчас хочешь смотаться?» — спросил он у Алисы. Та выразила робкое желание выбраться поближе к родной империи неопределенность ситуации начала ей слегка надоедать. Заяц почесал в затылке и ни слова не говоря пошел по тропинке. Алиса последовала за ним. Метров через триста тропинка кончилась, дойдя до массивной деревянной двери, стоявшей совершенно отдельно, без всяких признаков здания вокруг. Алиса сделала движение, чтобы заглянуть за нее, но Заяц предупредил: «Не советую. Честно

говоря, даже я не могу точно сказать, что тебя ждет с той стороны. А сейчас главное успеть войти с этой, пока тут ничего не изменилось…» Он открыл дверь, пропустил туда Алису и вошел вслед за ней.

* * *

Алиса опять обнаружила, что переоценила свою привычку к неожиданностям. Увиденное ее просто шокировало. Они с Зайцем стояли на улице большого города с кучей зданий, людей и машин. Но город был совсем не похож на те, к которым Алиса привыкла в Стране Чудес: дома выглядели умытыми и ухоженными, воздух несмотря на обилие машин был чистым и, что особенно бросалось в глаза, на лицах людей не было той вечной озабоченности чем-то, обычной для граждан империи. И в то же время что-то показалось Алисе здесь с детства знакомым. Через несколько секунд она уже не сомневалась, что находится в вечном городе, улицы которого помнят почти всех великих людей, живших в мире за последние несколько веков, и который невозможно забыть, однажды побывав там, в городе, где каждый дом в отдельности равно как и расположение этих домов вдоль улиц и бульваров являются произведениями искусства и где самую маленькую улочку язык не повернется назвать переулком — короче, в Париже.

Заяц подождал, пока Алиса придет в себя и сказал: «Ты совершенно права, мы именно в этом городе. Но совсем ненадолго — нам только надо перейти в другой гейт тут за углом…», — и помолчав немного, добавил, — «а ведь согласись, нету же ничего подобного в твоей Стране Чудес.» Алиса, подумав, ответила: «Ну, действительно… Зато все так спокойно и ясно, и все под рукой, и треугольники на голову не падают. Да и народ как-то повеселее кажется». Заяц ничего не ответил, но подумал, что непадание треугольников в империи обусловлено в основном их физическим отсутствием. Да и веселость — понятие крайне относительное; через некоторое время они получили этому еще одно подтверждение.

Они шли по левой стороне улицы, оставив за спиной Триумфальную Арку. Когда они проходили мимо маленькой кафешки, прямо им под ноги из дверей выпал достаточно приличного вида господин в сером пиджаке и белых брюках. С трудом поднявшись на ноги, он оперся рукой на плечо Зайца и на чистом русском спросил его: «Слушшай, Васся, ты мине

уважжаешь?» Достаточно хороший, хотя и немного неправильный французский, на котором говорил Заяц с момента входа в город, у него как рукой сняло. На родном языке перепринявшего субъекта он прочитал ему примерно десятиминутную лекцию о вреде пьянства в приличном обществе в связи с его родословной, а также с происхождением его ботинок и галстука. Судя по всему, в результате этого спича произошло чудесное исцеление господина от алкогольного отравления. По меньшей мере, он тихо извинился, попытавшись даже сделать это пофранцузски, вошел обратно в кафе, сел за столик и стал обдумывать услышанное.

* * *

Заяц с Алисой свернули за угол, прошли несколько шагов и неожиданно оказались в полной темноте. «Ага, кажется, мы попали к мастеру Бо. Он всегда слишком занят делом и поэтому постоянно забывает включать свет в прихожей», — сказал Заяц. Он толкнул невидимую дверь, и Алиса обнаружила, что ее представления о мастере сильно расходились с его действительным видом. Вопреки ее ожиданиям, он совсем не был похож на самого Гребенщикова: не очень высокого роста, толстенький, он носил очки, придававшие его лицу оттенок некоторой несерьезности. Дело мастера Бо заключалось в том, что он гусиным пером переписывал на экран пен-нотбука текст с листа, на котором красовалось заглавие: «Толковое Евангелие от Землеройкина». На плече у мастера сидел ярчайшей раскраски попугай, который внимательно смотрел на записываемое, и время от времени громко кричал: «Хватит наездов, я что — хуже всех? Я тоже согласен с тем, что тут написано!»

Мастер Бо поприветствовал вошедших и предложил им садиться и выпить чайку из стоящего здесь же самовара. Он сказал, что гейт откроется только минут через пятьдесять, а пока у них есть время отдохнуть. В этот момент попугай отвлекся от самосозерцания и обратил свой взгляд на Алису. В следующую секунду он уже летал вокруг нее и тараторил что-то малопонятное. Среди уймы малознакомых [слов? терминов?] Алиса разобрала только то, что порядки в Зазеркалье попугая возмущают, что Бильбо Бэггинса надо заставить за его слова служить в охране императора Страны Чудес и что он (попугай) не любит рок-группу «Колумбарий», потому что никогда ее не слышал.

Бо смотрел на попугая со снисходительной улыбкой, как на

ребенка, а Заяц мрачнел все больше и больше и в конце концов попросил попугая истолковать дзен-буддистский коан «если у твоего друга есть фонтан, смотри всегда на север». Попугай не задумываясь слепил абсолютно неприличный каламбур и как-то незаметно исчез. В этот момент в полу открылся гейт — просто довольно широкий круглый люк. Заяц бросил мастеру: «Привет Дятлу!» и прыгнул туда, позвав за собой Алису.

Они оказались в коридоре конторы перед дверью Алисиного кабинета. Открыв дверь, Алиса едва не была сбита с ног своим криппенштофелем, выражающим бурную радость по поводу ее возвращения. Мартовский Заяц дождался уменьшения амплитуды прыжков зверя и сказал Алисе: «Ну вот, ты и дома. И это черное животное, похоже, второй раз тебя за зеркало не отпустит. Ну да ладно — хватит с тебя странностей. Бай.» И раньше, чем она успела открыть рот, он перешагнул через порог зеркала, что-то щелкнуло, и Алиса увидела свое отражение там, где ему и полагалось быть. Она села к компьютеру и задумалась.

* * *

Алису разбудил стук чего-то тяжелого, упавшего на пол со стола. Она с трудом открыла глаза и увидела Мартовского Зайца, сидящего на стуле у соседнего компьютера и мрачно разглядывающего лежащий на полу трансформатор. Черный Алисин дворьерьер Бобик сидел рядом и смотрел на сей девайс с не менее мрачным видом — он явно не одобрял падений тяжелых предметов в полуметре от его носа.

Присмотревшись к сидящему рядом с ней господину, Алиса поняла, что это все-таки не заяц — ушами он явно не вышел, хотя в этом человеке и было много на него похожего. Он посмотрел на нее, улыбнулся и произнес: «Стало быть, ты и есть Алиса. Шеф о тебе много говорил. Хм, слишком много. Но вкус у него явно совковый — он мне сказал что тебе идет короткая прическа. Но это мелочи. Главное то, что он попросил меня поставить ему на писишку сеть. Хе, камикадзе… Да, забыл представиться. Я Зайцев — программер, время от времени делаю вид, что помогаю твоему наивному шефу. Вот так. А ты у меня теперь пойнтессой будешь.»

сентябрь 1994

Авторское послесловие:

Поздравляю всех, кто сумел дочитать сие произведение аж досюда. Я думаю, что дочитавшие поняли, что мое состояние в процессе написания было не совсем трезвым.

В связи с этим, приношу свои извинения.

Приношу также свои извинения тем, наезды на кого содержатся здесь. У большинства из них есть чувство юмора, так что они вряд ли сильно на меня обидятся. Ну а у кого сие чувство отсутствует — дык туда им и дорога.

Есть вероятность, что этот бук будет зарелизен в интроподобном виде группой Cold Boot — там и будет более подробная информация.

А пока — всем удачи!